DOI: 10.31249/rsm/2018.03.08

Г.А. Монусова

ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В РОССИИ: УРАВНЕНИЕ СО МНОЖЕСТВОМ НЕИЗВЕСТНЫХ*

Аннотация. *Статья предлагает критический взгляд на проблемы интеграции мигрантов в России. Понятие «интеграция» анализируется применительно к современным реалиям этого процесса. Автор показывает, что исследователи по-разному определяют понятие «интеграция», вкладывая в него разные смыслы, и такая многозначность затрудняет анализ. При этом основные участники (и мигранты, и принимающая страна) не проявляют должного интереса к «интеграции»: нет ни четко артикулированного отношения власти к тому, нужны ли мигранты нашей стране, ни готовности населения соседствовать с инокультурными мигрантами, ни желания большинства мигрантов оставаться жить в нашей стране и интегрироваться. Таким образом, процесс «интеграции мигрантов» в России напоминает уравнение со множеством неизвестных.*

Ключевые слова: *миграция, интеграция, инокультурные мигранты, трудовая миграция, временная миграция, социально-экономическое положение мигрантов.*

Монусова Галина Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва. Email: g.monusova@gmail.com

G.A. Monusova. Integration of Immigrants in Russia: An Equation with Many Unknowns

Abstract. *This article offers a critical look at the current discussions of migrant integration in Russia. The concept of «integration» is analyzed in relation to today's Russian reality. As the author shows, on the one hand, researchers offer different*

** Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-07-00008-ОГН «Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма». Автор признателен М. Денисенко и В. Мукомелю за комментарии, замечания и советы. В данной работе «миграция» и «иммиграция», «мигрант» и «иммигрант» используются как синонимы.*

definitions of the concept of «integration» and give contradicting interpretations. On the other hand, main agents of the process (migrants, the population and the authorities of the receiving countries) show little interest in the «integration». The government cannot decide whether migrants are needed and what policy towards them is optimal. The population is hostile to foreign migrants, while migrants themselves do not intend to live in Russia and to «integrate». Thus, the process of «integration of migrants» in Russia becomes an equation with many unknowns, which has no solution.

Keywords: *migration, integration, migrants, migrants workers, temporary migration, labour migration, inocultural migrants.*

**Monusova Galina Alekseevna – Candidate of History,
senior researcher, Institute of World Economy
and International Relations Russian Academy
of Sciences (IMEMO RAN). Email: g.monusova@gmail.com**

Современный мир характеризуется активизацией миграционных процессов. Население бедных стран стремится к лучшей жизни и упорно ищет «счастья» в богатых странах. Население богатых стран стареет, и работать, особенно на низкоквалифицированных рабочих местах в секторе услуг, становится некому. Такая «смычка» экономических интересов поддерживает миграционные процессы, которые кажутся неостановимыми. В то же время политические элиты стран-реципиентов не могут до конца определиться с миграционной политикой, которая «колеблется между политикой открытых дверей, за которую выступают экономисты, и политикой закрытых дверей, предпочтительной для электората» [6, с. 24]. События последних лет, связанные со всплеском миграции и волной терактов в Европе, поднимают градус напряжения в отношении коренного населения к иммигрантам, особенно к представителям иной культуры. Ситуация осложняется тем, что второе поколение мигрантов (а это уже не сами мигранты, а их дети – нередко полноправные граждане принимающих стран) проявляет себя не всегда так, как можно ожидать от законопослушных европейцев. Поджоги машин в Париже, теракты в Барселоне связаны с молодыми людьми, которые родились и выросли в Европе, посещали местные школы, в совершенстве владеют местными языками и знают традиции своих стран. И тем не менее они оказываются маргиналами. Это лишь подчеркивает сложность интеграции.

Россия также сталкивается с вызовами миграции. Российские экономисты и демографы, социологи и политологи на теоретическом и эмпирическом уровнях пытаются обозначить явные и неявные «плюсы» и «минусы», выгоды и издержки массового притока иностранных гостей. Этой проблеме посвящена значительная литература [1; 2; 3; 5; 9; 12; 19; 20; 26]. Согласно этим исследованиям, при явной экономической необходимости международной миграции в России фиксируются реальные социальные проблемы включения

вновь прибывающих в жизнь общества. Нелегальная миграция, рост недоверия местного населения к приезжим, антимиграционная мифология усиливают напряжение в обществе. Отчасти эти проблемы связывают с самими мигрантами, но существенную роль здесь играет и принимающая сторона. Обе стороны должны желать встраивания вновь прибывших в общество, и обе стороны несут ответственность за этот процесс.

Один из центральных пунктов этого дискурса – тезис о необходимости «интеграции мигрантов». Соответственно ставятся вопросы о создании особых условий и проведении специальных мероприятий для включения вновь приезжающих в социальную жизнь общества, принимаются соответствующие документы и на уровне отдельных стран, и на уровне Евросоюза.

Необходимость интеграции мигрантов в принимающих странах воспринимается как аксиома. Согласно официальной концепции, «важными элементами государственной миграционной политики Российской Федерации являются создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности» [7, ст. 17]. Слово «интеграция» здесь кажется ключевым. При этом ответы на вопросы о том, что такое интеграция, как она измеряется, не столь очевидны. Кого мы можем считать интегрированным, а кого нет? Где граница между «интегрированностью» и «неинтегрированностью»? Интегрированность – это дихотомия или континуум? Всем ли нужна интеграция?

Понятие «интеграция мигрантов»: Сложности толкования

Понятие «интеграция мигрантов» кажется интуитивно очевидным: мигранты должны быть каким-то образом встроены в социальную и культурную жизнь принимающей страны. Однако за кажущейся простотой скрывается многослойность этого явления, которое одновременно подразумевает и процесс, и результат этого процесса, и политику в этой области. В итоге исследователи придают одному и тому же термину разные значения, которые лежат в диапазоне от простого здравого смысла до сложных абстрактно-теоретических конструкций.

Прежде всего следует различать процесс, результат и политику интеграции. Процесс в самом общем виде представляет собой встраивание индивида в жизнь общества, результат – итоговое состояние, оценка того, что достигнуто или не достигнуто. Процесс и результат тесно переплетены и не всегда явно разделимы. Политика интеграции предполагает определенные законодательные, административные и экономические меры, обеспечивающие этот процесс.

Суть интеграции все понимают примерно одинаково – это включенность, встроенность, «вживление» мигранта в общество принимающей страны. Однако уже в определениях, формах и способах измерения интеграции единства мнений нет.

Ряд исследователей использует множественность синонимов «интеграции», что вносит путаницу в понимание этого термина. Ассимиляция, аккультурация, абсорбция, аккомодация, адаптация, включенность и т.д. – это далеко не полный перечень возможных заменителей [25; 28; 30]. И все они характеризуют встраивание индивида в общество, «вхождение» мигрантов в социум стран иммиграции, их адаптацию и последующую приживаемость в этом обществе [5, с. 2]. «Социальная интеграция, – пишет В. Леденева, – это процесс, тесно связанный с другими процессами, социализацией, аккультурацией, ассимиляцией, адаптацией, т.е. некий результат этих процессов» [8, с. 41].

В литературе существует и другая точка зрения, согласно которой интеграция выступает как самостоятельное явление, как промежуточная форма между ассимиляцией и мультикультурализмом [12; 16; 23]. В. Мукомель рассматривает интеграцию как альтернативу ассимиляции и сегрегации и определяет ее как «процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу» [12, с. 5].

В. Малахов, обсуждая проблематику интеграции в западной литературе, обращает особое внимание на использование терминов «интеграция» и «ассимиляция». Он подчеркивает, что в США больше употребляют термин «ассимиляция», хотя полного культурного растворения мигрантов никто не наблюдает, а в Европе, напротив, используют понятие «интеграция», подразумевая под ней как раз ассимиляцию [9, с. 30]. «Хорошо интегрированный мигрант – это тот, кто ассимилировался функционально через язык, мышление и поведение принимающего общества» [30, p. 4].

В литературе понятие интеграции нередко используют и как зонтичное (umbrella), объединяющее разные формы встраивания индивида в общество, такие как ассимиляция, мультикультурализм, интеркультурализм и т.п. [20; 25]. Некоторые исследователи переводят понятие «интеграция» в более абстрактную теоретическую область. Так, Е. Варшавер пытается объяснить суть этого понятия, опираясь на теорию интеграции Х. Эссера [24]. «Во-первых, это объединение частей в целое, во-вторых, это включение в целое новых элементов» [1, с. 318–319].

Итак, при всем разнообразии определений интеграции везде речь идет о включении индивидов в новое для них общество, и эта включенность может протекать в разных формах, с разной степенью погружения в социальную

жизнь этого общества. Для кого-то знание языка принимающей стороны может оказаться достаточным для ощущения встроенности, для кого-то необходимо наличие работы, для кого-то – участие в местной социальной жизни. Кому-то нужно ощущать себя полноправным гражданином с правом голоса, а для кого-то важны только временная работа и заработки. Возможно, что именно с этим связаны различия в определениях и взглядах на интеграцию, которую нередко отождествляют и с ассимиляцией, и с адаптацией.

Судя по разнообразию определений, «интеграция» действительно является неким зонтичным понятием для представлений различных форм и степеней встраивания индивида в жизнь общества. Это может протекать в форме простейшей адаптации (приспособление на элементарном функциональном уровне), а может предполагать полное культурное погружение и растворение (ассимиляцию) [5].

Исследователи выделяют несколько осей, по которым идет встраивание вновь прибывших (виды интеграции): культурная (функциональная), социальная, экономическая, структурная, политическая, идентификационная[1]. Соответственно, движение может идти лишь по одной или нескольким из названных осей, что еще больше запутывает понимание интеграции. Например, работа и доходы есть, а знания языка нет, или наоборот. Добавим к этому и разные определения самих осей, что также затрудняет анализ[2].

Множественность и противоречивость определений процесса интеграции сопровождается неопределенностью измерения результата. Чем интегрированный мигрант отличается от неинтегрированного? Не совсем ясно, интегрированность – это дихотомия или континуум? Как бы мы ни определяли встраивание индивида в общество, нет очевидной меры для измерения степени этого встраивания. Мы не можем четко сказать, кто встроился, а кто нет.

В странах ОЭСР, которые имеют больший опыт работы с мигрантами, в качестве ключевых индикаторов интеграции помимо знания языка принимающей страны выделяют размер заработков, наличие и качество жилья, доступ к здравоохранению и состояние здоровья, доступ к системе образования, включенность в рынок труда и уровень безработицы, дискриминацию, гражданскую вовлеченность и т.п. Позиции мигрантов сравниваются по этим

1. Культурная ось предполагает знание языка, понимание и принятие базовых ценностей и норм поведения; социальная – вхождение в систему образования, здравоохранения, социальной защиты; экономическая – доступ к рынку труда, наличие работы; политическая – право голоса; идентификационная ось отражает эмоциональную включенность мигранта в принимающее общество, ощущение близости страны [1; 16; 30].

2. Е. Варшавер выделяет структурную интеграцию, которая включает занятость, доступ к системе образования и социальной защите, а социальную определяет, как взаимоотношения мигрантов и местного населения [1].

индикаторам с позициями коренного населения: чем ближе позиции, тем глубже интеграция [29]. Обратим внимание, что это работает не для всех мигрантов, а только для тех, кто настроен жить в стране. Но и при таком подходе мы также не получаем ответа на вопрос, кого мы считаем интегрированным, а кого нет. Где проходит граница интеграции, если таковая в принципе возможна? Заметим, что высококвалифицированные иностранные специалисты прекрасно адаптируются, не всегда зная местный язык, и при этом получают заработки существенно более высокие, чем местное население.

Помимо объективных критериев результата интеграции существуют и субъективные оценки самих мигрантов, которые могут не совпадать друг с другом. Вполне вероятны ситуации, когда объективные показатели интеграции соблюдены, но иностранец не ощущает себя комфортно в стране. И наоборот. Не совсем понятно, на какие критерии ориентироваться при оценке интегрированности: на субъективные ощущения приезжающих или объективные параметры?

Неопределенность и нечеткость критериев встроенности в общество накладывается на разнообразие видов миграции. Понятие «иммигрант» не имеет универсального определения, что еще больше запутывает понятие интеграции [28, p. 61–62]. В странах ОЭСР к международным мигрантам относят индивидов, которые родились в одной стране, а проживают больше года в другой [28, p. 62]. Это очень широкое определение, сюда попадают как те, кто имеет гражданство, так и те, кто не имеет, те, кто приезжает на заработки, и те, кто воссоединяется с семьей и т.д.

Особо следует выделить трудовую миграцию. Согласно международным определениям, это – «перемещения индивидов из одной страны в другую или внутри одной страны с целью получения занятости» [28, p. 58]. Российский термин имеет нюансы. Трудовая миграция здесь отождествляется с временной и определяется как «временная миграция с целью трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг)» [7, ст. 5].

Трудовые мигранты различаются по целям приезда. К примеру, что касается российского варианта, то часть приезжающих настроена осесть в России и, соответственно, действует в этом направлении (знает или учит язык, находит друзей, работу, общается с местным населением и т.п.). При этом многие приезжают только ради заработков, на конкретный фронт работ, и эти люди не связывают свою жизнь с новой страной и не намерены встраиваться в социальную жизнь общества.

Подстройка происходит индивидуально в каждом конкретном случае и отчасти самоорганизованно в зависимости от уровня образования, от профессии, от возраста, от населенного пункта, откуда прибыл индивид, от цели приезда. Как замечает В. Малахов, «абсолютно неинтегрированных мигрантов не существует… С момента, когда индивид попадает на территорию той

или иной страны, он уже в некотором отношении интегрирован – в экономическую цепочку, в круг родственников и знакомых, в “этническую сеть” или землячество, в систему социальной поддержки со стороны государства… и т.п.» [9, с. 38]. Здесь, однако, возникает вопрос, куда интегрируются вновь прибывшие? В социальную жизнь принимающей страны или в этническую сеть и жизнь диаспоры? Исследователи отмечают неоднозначную роль диаспоры в процессе встраивания мигрантов в принимающее общество. Нередко вновь прибывшие получают все, что нужно в диаспоре, и у них нет потребности в другом общении. В этом случае пребывание в диаспоре может стать барьером для интеграции. В то же время диаспора может способствовать поиску возможностей влиться в окружающую жизнь, смягчая процесс адаптации к новой жизни [2, с. 290–296].

Но если это так, какие целенаправленные меры нужны со стороны принимающей страны? В чем должна заключаться такая политика, если мы не можем однозначно определить суть интеграции и измерить ее результат? Исследователи высказывают предположение, что «особенно охотно к понятию “интеграция” прибегают правые популисты, пытающиеся сделать тему мигрантов и их “нежелание интегрироваться” главной в повестке дня» [9, с. 38]. Необходимость интеграции нередко отождествляют с антимиграционной политикой, «за разговорами об интеграции угадывается плохо скрытое желание закрыть двери перед теми, кто не похож на “своих”, “местных”, а призывы интегрировать мигрантов очень политизированы и носят популистский характер» [18, с. 308]. Возможно, такой подход выглядит провокативным и является реакцией на тезис об абсолютной необходимости интеграции, но задуматься он заставляет.

Конечно, важно помочь иностранным мигрантам адаптироваться к местной среде. Опыт европейских стран свидетельствует о полезности создания консультативных центров, помощи принимающей страны в изучении языка, предоставлении работы и т.п. [2, с. 280–290]. Но запрос должен исходить от нуждающегося в этой помощи.

Процесс вхождения в общественную жизнь должен проходить при активном желании и участии самого мигранта. Далеко не все мигранты хотят остаться в стране-реципиенте навсегда. Если индивид приехал за заработком, ему нужна одна политика «интеграции», а если жить – совсем другая. Исследователи обращают внимание на то, что интеграция нередко представляет собой «непреднамеренный результат действий самих мигрантов» [9]. Многие, приезжая на время в новую страну, не ставят перед собой таких задач. Это означает, что управлять интеграцией достаточно сложно, если вообще возможно. Получается, что разнообразие мигрантов требует разнообразия политик, что не делает проблему проще. Встраивание в социальную жизнь общества вновь прибывших является деликатным и тонким вопросом,

и излишняя активность насильственной «интеграции» может создать дополнительные проблемы, или получить результат, обратный тому, которого хотели достичь [9, с. 50]. Речь здесь не идет о том, что для получения гражданства той или иной страны необходимо выполнение определенных требований и соблюдения условий.

Согласно документам Европарламента (концепции Еврокомиссии), интеграция – это двусторонний процесс, и гражданское общество играет ключевую роль в адаптации мигрантов[3]. С одной стороны, отношение местного населения, отсутствие дискриминации в доступе к образованию, к рабочим местам[4] являются необходимым условием для встраивания мигрантов в общество. Не только мигранты должны адаптироваться к местным правилам, культуре и т.п., но и местное общество к мигрантам. С другой стороны, ожидается, что мигранты будут уважать основные законы, нормы и ценности принимающего общества и не ухудшать жизнь местного населения. Это воспринимается обществом как обязательное условие.

Понятие «интеграция» многомерно и многолико и на данный момент не имеет общепринятого строгого научного инструментария. Соответственно дискурс об интеграции является отчасти искусственно выстроенным, напоминая «игру» в слова. В этих условиях к выработке политики интеграции нужно подходить очень осторожно, понимая все возможные последствия вмешательства извне в тонкую хрупкую ткань взаимоотношений внешних мигрантов, особенно инокультурных, и местного населения.

Абстрагируясь от некоторой неопределенности понятия «интеграция», можно выделить два необходимых условия для встраивания вновь прибывающих в страну: желание мигранта найти свое место в обществе, прикладывая к этому усилия и принимая правила и нормы новой жизни, и готовность принимающего общества принять новых членов, не разделяя их на своих и чужих. Посмотрим, как эти условия реализуются в России.

Мигранты в России: Кто приезжает и зачем?

Последние годы характеризуются быстрым ростом в России международного миграционного движения. С 2005 по 2016 г. число вновь прибывших выросло более чем в 3 раза [21].

3. Civil society plays a crucial role in helping migrants gain access to education, training and employment, and in challenging discrimination in the education sector, labour market and society as a whole [32, 4.10].

4. The EESC recognizes that integration is strongly dependent on labour market integration… [32].

Основной поток желающих попасть в Россию сегодня, как и десять лет назад, связан со странами СНГ. Согласно данным Росстата, в 2016 г. 90% всех прибывших в Россию составляли выходцы из стран СНГ (в 2005 г. эта цифра составляла 92%) [21]. Среди стран-доноров на первом месте стоит Украина (31%), далее следуют по убывающей Казахстан (12), Узбекистан (11), Таджикистан (9), Армения (8), Молдавия (6), Киргизия (5), Азербайджан (4%) [там же].

Вновь прибывающие иностранные «гости» имеют разные цели: кто-то намерен постоянно жить и работать в России, а кто-то настроен на временное пребывание ради заработков.

Центр этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) провел для НИУ ВШЭ социологические опросы мигрантов в России в 2011 г. (выборка 8,5 тыс. человек) и в 2017 г. (выборка 8,7 тыс. человек) с целью анализа их социально-экономического положения, занятости, мотивации приезда и т.д. [13]. Согласно опросу 2011 г., примерно 40% респондентов находились в России более года, т.е. являлись долгосрочными (постоянными) мигрантами, 38% были циркулярными мигрантами (в том числе 12% – сезонные мигранты, находившиеся менее шести месяцев) и 21% опрошенных впервые приехали в страну на заработки [12].

Цель приезда и планы, связанные с Россией, варьируются в зависимости от страны исхода. Если среди прибывших из Армении, Грузии, Украины, Казахстана в 2017 г. более 60% опрошенных планируют связать свою дальнейшую жизнь с Россией на постоянной основе, то среди представителей Узбекистана и Киргизии так думают только 20–24%. Большинство же мигрантов из республик Средней Азии приезжают с установкой на заработки и временное проживание [15]. Эти настроения подтверждают статистические данные о реальном поведении. Две трети миграционного прироста в 2015 г. составили украинцы и выходцы из Казахстана (62 и 15% соответственно), в то время как доля представителей Узбекистана сократилась, заметно снизилась и доля в миграционном приросте приезжающих из Таджикистана, Киргизии и Азербайджана. Однако, согласно данным Росстата, в 2016 г. ситуация несколько изменилась: доля иностранцев из Таджикистана и Узбекистана, оставшихся в России, возросла, но доминирование украинцев и выходцев из Казахстана в структуре миграционного прироста сохраняется [21].

Итак, на постоянное жительство в России в большей мере нацелены мигранты, прибывающие с Украины и из Казахстана, значительная часть которых (80% и более), согласно данным 2017 г., даже дома разговаривает на русском языке. Представители Узбекистана и Таджикистана на этот факт указывали существенно реже: только 12–13% опрошенных предпочитали русский язык для общения в семье [15]. Инокультурные мигранты из Центральной Азии, которые плохо владеют русским языком, приезжают

в Россию в большинстве своем на заработки с временным проживанием, и у них нет установки на укоренение в России.

Социально-экономическое положение мигрантов

Постоянно проживающие и временные трудовые мигранты по-разному встраиваются в социально-экономическую жизнь принимающей страны. Общепринятых измерителей интеграции мигрантов нет. В странах ОЭСР сравнивают позиции постоянно проживающих мигрантов (тех, кто родился в другой стране и живет в данной стране больше года) с позициями местного населения[5]. Используя данные Европейского социального обследования (ESS)[6], мы можем посмотреть на относительные позиции постоянно проживающих мигрантов в России и в ряде европейских стран[7].

Данные ESS позволяют оценить социально-экономическое положение мигрантов по ряду параметров. В какой мере они чаще сталкиваются с безработицей, неквалифицированным трудом, временной занятостью?

Таблица 1 демонстрирует сравнительные характеристики занятости мигрантов относительно коренного населения в России, Франции, Германии и Швеции. При этом надо иметь в виду, что в России в группу выделенных таким образом мигрантов попадают и русскоязычные граждане бывших советских республик, полностью переехавшие в Россию и имеющие российское гражданство.

Во всех выбранных странах прослеживается одинаковая ситуация: среди тех, кто родился в другой стране, выше уровень безработицы, доли неквалифицированного труда и временной занятости. Согласно таблице 1, в России положение таких мигрантов отличается от положения «коренного» населения в меньшей степени, чем в других европейских странах, имеющих больший опыт интеграции и более последовательно проводивших соответствующую политику.

Свидетельства худшего социально-экономического положения мигрантов относительно местных жителей предоставляет и Евростат. Согласно статистическим данным, во всех странах Евросоюза мигранты извне имеют

5. По данным обследования ЕСС, среди тех, кто родился в другой стране, есть те, кто имеет гражданство принимающей страны, и те, кто не имеет.

6. European Social Survey (ESS) www.europeansocialsurvey.org. Для увеличения выборки мигрантов в единый файл были объединены пять волн обследования (2008, 2010, 2012, 2014, 2016). По России объединенная выборка составила 9448 человек, из них 571 мигрант.

7. Для сравнения взяты Франция, Германия и Швеция, так как Франция и Германия имеют большой опыт интеграции мигрантов, а население Швеции отличается наибольшей толерантностью по отношению к мигрантам.

более низкий доход и худшие условия проживания, чем коренное население, что увеличивает риски для вновь прибывших оказаться за чертой бедности [31, с. 21, 60]. Исследователи отмечают, что мигранты зачастую заняты на неквалифицированной работе, требующей существенно более низкого образования, чем они имеют [31, p. 105–107].

Таблица 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАНЯТОСТИ МИГРАНТОВ И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ, %

	Россия	*Франция*	*Германия*	*Швеция*
Доля безработных среди тех, кто				
родился в другой стране	5,8	9,8	7,5	6,1
родился в данной стране	4,2	5,8	3,9	3,2
Доля безработных с третичным образованием среди тех, кто				
родился в другой стране	4,6	9,8	4,1	4,9
родился в данной стране	3,5	4,8	2,1	2,3
Доля тех, кто имеет опыт безработицы среди тех, кто				
родился в другой стране	26	46	38	37
родился в данной стране	23	36	28	24
Доля занятых неквалифицированным трудом среди тех, кто				
родился в другой стране	10	17	10	13
родился в данной стране	6	9	5	5
Доля занятых на временных контрактах среди тех, кто				
родился в другой стране	12	17	16	16
родился в данной стране	10	13	13	14

Источник: Рассчитано по ESS 2008–2016 гг.

Похожую ситуацию мы наблюдаем и в нашей стране вокруг прибывающих на временные заработки. Согласно социологическим опросам 2011 и 2017 гг., мигранты по сравнению с местными жителями работают большее количество часов, в худших условиях труда, имея при этом более низкие заработки [3; 13].

Особенность России заключается в том, что здесь фиксируется значительная доля временных трудовых мигрантов. По статистическим данным, примерно 40% (в среднем 4 млн человек в год) мигрантов приезжают в страну с целью «работать по найму», эту цель указывают при пересечении границы в миграционной карте [19, с. 41]. Заметим, что право на работу оформляют далеко не все прибывающие: в 2016 г. примерно две трети въехавших иностранных работников получили законное право на работу [там же]. Социологические опросы подтверждают тот факт, что значительная часть мигрантов

не имеет законных оснований для трудовой деятельности в России. Особенно ярко это проявляется среди занятых в сфере услуг у физических лиц, где каждый второй работает без разрешительных документов [13, с. 73], без регистрации, в полной зависимости от работодателейь – хозяев жилья.

С одной стороны, здесь присутствует правовая незащищенность труда иностранных работников, но с другой – мигрантам зачастую материально выгодно работать нелегально, так как оформление разрешительных документов требует денежных средств и времени, а оставаться в России они не планируют [13].

Данные социологических опросов свидетельствуют, что каждый третий мигрант (32,2%) занят неквалифицированным трудом, причем многие из них имеют неполное высшее и высшее образование. Образование и квалификация приезжих оказываются по большей части не востребованными, а трудовая мобильность носит нисходящий характер [13, с. 73–77].

Добавим, что зачастую приезжие работники живут в крайне неудобных условиях, по десять человек в комнате, ночуют по месту работы в офисах, больницах, школах и т.п. [12; 26].

Наряду с явно дискриминационными причинами здесь присутствует и добровольное согласие иностранных работников на подобный характер, и условия труда из-за заработков, которые для них приоритетны по отношению к текущим жизненным неудобствам [13]. Учитывая, что хорошее жилье и восьмичасовой рабочий день представляют собой вычет из их потенциальных доходов, они «заинтересованы» в такого рода лишениях. Большинство из них не хотят жить в России постоянно, и соответственно они не ищут путей интеграции в общество.

Таким образом, можно выделить две группы мигрантов. Одна группа включает инокультурных иностранных работников, которые нацелены на зарабатывание денег и временное проживание в России и не настроены встраиваться в социальную жизнь общества. Другая группа, в большинстве своем владеющая русским языком и сходным культурным кодом (хотя здесь присутствуют представители всех стран СНГ), имеет намерения получить российское гражданство, остаться в стране и прикладывает к этому усилия. Заметим, что первая группа доминирует, и процесс интеграции для нее неактуален. При этом большая часть желающих укорениться в нашей стране не нуждается в особой культурной адаптации. Соответственно, вопросы интеграции касаются очень небольшого числа инокультурных мигрантов, которые хотят получить гражданство и жить в России на постоянной основе. Именно они могут теоретически нуждаться в помощи и поддержке общества и государства.

Отношение местного населения и государства к мигрантам

Документы Еврокомиссии подчеркивают необходимость и важность отношения к мигрантам принимающей страны и создания условий для их интеграции [32]. Отношение принимающей страны важно для всех иностранных работников, независимо от того, хотят они остаться в стране или приехали только на заработки.

Данные Европейского социального обследования позволяют измерить настроения местного населения относительно приезда в их страну иностранных мигрантов.

Таблица 2

ОТНОШЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ К ПРИЕЗЖИМ

Доля респондентов, ответивших на вопрос: «Можно ли позволить жить в стране…»

	Людям той же этнической группы, %				*Людям другой этнической группы, %*			
	многим	*некоторым*	*единицам*	*никому*	*многим*	*некоторым*	*единицам*	*никому*
Россия	23	33	30	14	8	25	38	23
Франция	21	56	15	6	14	49	24	10
Германия	44	47	8	1	23	49	23	3
Швеция	39	52	6	0,4	37	51	9	0,8

Источник: ESS 2016 г.

Таблица 2 показывает, как население России воспринимает приезд иностранных гостей в сравнении с гражданами Франции, Германии, Швеции. Причем анализируется отношение коренных жителей к мигрантам как той же этнической группы, так и к представителям другого этноса.

Можно сделать несколько наблюдений. Прежде всего, Россия в меньшей степени, чем Франция, Германия и Швеция, настроена в принципе на прием мигрантов любой национальности. К примеру, 44% (30 и 14%) опрошенных россиян считают, что за редким исключением не следует позволять людям той же культуры переезжать жить в их страну, тогда как в Германии такую позицию занимает менее 10% населения, а в Швеции чуть больше 6%. Категорически закрыть границы для представителей другого этноса хотели бы 23% россиян, допустить единичные случаи готовы 38% респондентов из России. Во Франции такого мнения придерживаются порядка 10 и 24%, в Германии 3 и 23%, а в Швеции около 1 и 9% соответственно.

Заметим, что во всех выделенных странах население более лояльно настроено в отношении лиц той же расы и национальности, что и большинство в их стране, и в меньшей степени готовы жить рядом с представителями этнических меньшинств.

Разница в толерантности к пришельцам из других стран в России по сравнению с развитыми европейскими странами, имеющими опыт приема мигрантов, достаточно заметна.

Россияне очень негативно настроены по отношению к «чужим», что в реальности не способствует «приживаемости» иностранных гостей. К примеру, очень опасный лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, устойчиво поддерживается большинством респондентов с начала 2000 г.: если в 1998 г. этот лозунг в той или иной мере поддерживали 43% респондентов, в 2000 г. – 49%, то в последующие годы его поддержка не опускалась ниже 52% [14, с. 190]. И это притом, что Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной.

Антимигрантский дискурс питается различными мифами, среди которых завышенные оценки масштабов миграции, обвинения в конкуренции на рынке труда с местными жителями, распространении заразных болезней, росте преступности и т.п. Добавим сюда нелегальную миграцию, торговлю наркотиками и людьми, терроризм. При этом в этих оценках не делают различий между внутренними и внешними мигрантами [2].

Нередко антимигрантские настроения усиливаются под воздействием СМИ, которые акцентируют внимание на негативных сторонах миграции. Исследования особо подчеркивают роль СМИ в формировании образа мигранта как «чужака с недобрыми намерениями, представляющего угрозу». Мигрантов очень часто изображают, как «чужих», «нежелательных гостей», «правонарушителей» и т.п., что не способствует их позитивному восприятию [2, с. 280–290; 22].

Ксенофобия россиян как на бытовом уровне, так и в СМИ во многом формируется государством. Средства массовой информации реагируют на противоречивые сигналы, посылаемые властью, обостряя или смягчая антимигрантскую риторику. Исследователи справедливо предполагают, что «отношение граждан во многом формируется самой властью. А ее отношение к мигрантам чаще привязано к сегодняшней или завтрашней ситуации на рынке труда, которая может диктовать больший или меньший спрос на гастарбайтеров или другие категории экономических мигрантов» [17].

С одной стороны, правительство заявляет, что Россия в ближайшие годы будет терять ежегодно 800 тыс. граждан трудоспособного возраста, а «привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного

развития» [7, ст. 7]. С другой стороны, на фоне этой информации принимается решение о сокращении квот для мигрантов на временное проживание. Полицейско-бюрократическая машина за период с 2013 по 2016 г. выслала из России «400 тыс. человек, а 1,6 млн надолго запрещен въезд в страну» [4].

Негативные оценки миграционной ситуации звучат с самых высоких трибун. Акценты на то, что «преступность среди граждан, которые прибывают из ближнего зарубежья, год от года растет, постоянно растет… Органам МВД нужно держать этот вопрос под постоянным контролем» [10], свидетельствуют о настороженном отношении власти к мигрантам, невзирая на то что данные о росте преступности зачастую преувеличены [2, с. 272].

Антимигрантские, ксенофобские настроения демонстрируют и политики, указывая на то, что «разросшееся невиданными темпами за какие-то полтора десятилетия сообщество мигрантов, плохо адаптированных к традиционному укладу жизни, часто живущих далеко за пределами элементарных социальных стандартов и являющихся питательной средой для криминала, – непосредственный путь к крупным конфликтам в обществе» [11]. Появились мнения, что если число мигрантов будет слишком большим (более 10%), то это может разрушить конституциональные основы государства, нарушить общественную стабильность и безопасность [2].

Постоянные полицейские проверки, сокращение квот на временное проживание слабо ассоциируются с понятием русского гостеприимства.

«У нас нет четко артикулированного отношения к миграции, имеются только не очень внятные и постоянно меняющиеся тактические соображения» [17].

Создается впечатление, что власть не может определиться, чем являются мигранты для нашей страны: благом или угрозой. Ксенофобские настроения населения, неартикулированная позиция власти не способствуют желанию иностранных работников остаться жить в России.

Есть ли в России проблема интеграции мигрантов?

Никто не сомневается в том, что вновь прибывающие в страну иностранные работники должны находить свое место в новом обществе, встраиваться в социальную жизнь. Все понимают, что это легко на словах, а в реальности возникают проблемы. Именно поэтому так популярны обсуждения вопроса интеграции мигрантов. В то же время в научных дискуссиях нет четкого единого понимания, что такое интеграция, нет критериев интегрированности, а соответственно трудно определить и политику интеграции. Более того, ряд исследователей, опираясь на примеры других стран, призывают к осторожности в интеграционном подходе, так как политика интеграции может иметь непредвидимые и непредсказуемые последствия. Акцент на необходимости

политики интеграции инокультурных мигрантов нередко усиливает этническую разобщенность, подчеркивая культурную разнородность.

В России эта проблема усугубляется тем, что, с одной стороны, нет четко выраженного артикулированного отношения власти к тому, нужны ли мигранты нашей стране, при этом есть четко обозначенные ксенофобские настроения местного населения. С другой стороны, значительная часть мигрантов приезжает исключительно ради заработков (доминируют трудовые временные мигранты) и не имеет намерений здесь остаться и интегрироваться, а те, кто потенциально готов встраиваться в российскую действительность, имеют сходный культурный код с россиянами и органично становятся частью страны. Анализируя процессы интеграции и вырабатывая миграционную политику необходимо учитывать интересы обеих групп.

Все документы на европейском и российском уровнях подчеркивают важность доброжелательности принимающей стороны, создания необходимых условий для интегрирования вновь прибывших. Реально эти условия могут создаваться, если власти на всех уровнях (федеральном, региональном, местном) осознают необходимость миграционного притока и, соответственно, настроены принять иностранных гостей и помочь обустроиться тем, кто в этом нуждается.

Для России крайне важно определиться с тем, нужны ли ей мигранты. Это ключевой вопрос. Учитывая, что, согласно прогнозам, к 2030 г. численность трудоспособного населения в возрасте до 40 лет сократится на четверть (25%) [27, p. 7], а роботизация вряд ли нас поглотит в ближайшее время, скорее всего, экономика будет остро нуждаться в дополнительных рабочих руках. Если это понимание придет, средства массовой информации уловят сигналы и изменят тональность, что почувствует и население. Изменение отношения общества к иностранным гостям необходимо не только мигрантам, но также и самому обществу, так как ксенофобия может рождать озлобленность и насилие, которые разрушают жизнь и местного населения. Осознание необходимости притока мигрантов, поставив задачу привлечь желающих жить в России, будет способствовать толерантности. Пока же в нашей стране наметилась тенденция снижения миграционного потока.

Что касается непосредственно интеграции иностранных граждан, то межстрановые исследования показывают, что независимо от интеграционной политики их социально-экономические позиции относительно коренного населения во всех странах являются примерно одинаковыми. Видимо, интеграционные процессы идут везде по своим законам и связаны в первую очередь с желанием вновь прибывших найти свое место в новой стране, с качеством их человеческого капитала, с готовностью принять нормы и обычаи новых соседей и конечно же с отношением принимающей страны.

Библиография

1. Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов: Что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 14 (3). С. 315–330.

2. Вишневский А.Г., Денисенко М.Б., Мкртчан Н.В., Мукомель В.И., Тюрюканова Е.В. Миграционная стратегия для России и политика толерантности // Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: Управления рисками ксенофобии в обществе риска. М.: Издательство Федерального института развития образования, 2011. С. 255–298.

3. Денисенко М., Чернина Е. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 40–57.

4. Желенин А. Мигранты вновь востребованы в России // ИА «Росбалт». 2017. 26 сентября. URL: http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/09/26/1648884.html (Дата обращения: 12.12.2017.)

5. Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России. Научно-исследовательский отчет 2013/12. Florence: European University Institute; Robert Schuman Centre for Advanced Studies, 2013. 18 p.

6. Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир. М.: Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2016. 384 с.

7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Консультант Плюс: Официальный сайт [Электронный ресурс]. 2012. 13 июля. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046 (Дата обращения: 23.12.2017.)

8. Леденёва В. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов. М.: Спутник +, 2014. 144 с.

9. Малахов В. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Мысль, 2015. 267 с.

10. Медведев Д.А. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел 6 февраля 2009 г. // Президент России: Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/3075 (Дата обращения: 12.01.2018.)

11. Милов В. Либерал-национализм против фашизма // Газета.ру. 2010. 20 декабря. URL: https://www.gazeta.ru/column/milov/3470929.shtml (Дата обращения: 10.12.2017.)

12. Мукомель В. Политика интеграции мигрантов в России: Вызовы, потенциал, риски. Рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2013. 34 с.

13. Мукомель В. Мигранты на российском рынке труда: Занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79.

14. Общественное мнение – 2016 // Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2017. 272 с.

15. Петрова Н. Мигрант с натуры. Кто теперь едет работать в Россию // Коммерсантъ.ru. 2017. 12 августа. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3380376 (Дата обращения: 10.04.2018.)

16. Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Polit.ru. 2009. 14 июля. URL: http://polit.ru/article/2009/07/14/semenenko/ (Дата обращения: 5.12.2017.)

17. Фаляхов Р. Маткапитал не спасет: Почему России нужны мигранты // Газета.ру. 2018. 9 января URL: https://www.gazeta.ru/business/2018/01/05/11594870.shtml (Дата обращения: 09.01.2018.)

18. Филиппова Е. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 305–321.

19. Флоринская Ю., Мкртчан Н. Миграция в России: Старые тренды, новые проблемы // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-

экономического развития. 2016. № 19 (37). URL: http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-37-786.pdf (Дата обращения: 12.01.2018.)

20. Цапенко И. Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов // Вестник Российской академии наук. 2017. № 10. С. 915–926.

21. Численность и миграция населения Российской Федерации, 2005–2016 гг. // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Дата обращения: 12.01.2018.)

22. Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy // European Journal of Migration and Law. 2007. N 4. P. 389–418.

23. Boswell Ch. European Migration Policies in Flux. Changing Patterns of Inclusion and Exclusion. London: The Royal Institute of International Affairs, 2003. 169 p.

24. Esser H. Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? // International Migration Review. 2004. V. 38 (3). P. 1126–1159.

25. Favell A. Integration nations: The nation-state and research on immigrants in Western Europe, the multicultural challenge // Comparative Social Research. 2003. Vol. 22. P. 13–42.

26. Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: Patterns of settlement // Journal of Ethnic and Migration Studies, 2017. 24 February. URL: http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053 (Дата обращения: 05.12.2017.)

27. Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Age and Education in the Russian Labour Market Equation // IZA DP. 2017. N 11126. 35 p.

28. Glossary on Migration // International Migration Law. 2011. N 25.

29. Indicators of Immigrant Integration 2015 // OECD: Official Website [Электронный ресурс] URL: http://www.oecd.org/social/indicators-of-immigrant-integration-2015-settling-in-9789264234024-en.htm (Дата обращения: 09.01.2018.)

30. Hamberger A. Immigrant Integration: Acculturation and Social Integration // Journal of Identity and Migration Studies. 2009. Vol. 3. N 2:2–21.

31. Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation // Eurostat. European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5727749/KS-31-10-539-EN.PDF (Дата обращения: 05.12.2017.)

32. Opinion of the European Economic and Social Committee on the ‘Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: A European Agenda on Migration’ (COM (2015) 240 final). Brussels: European Commissionб 2015. URL: http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-240-EN-F1-1.PDF (Дата обращения: 05.12.2017.)

References

Beutin B., Canoy M., Horvath A., Hubert A., Lerais F., Sochacki M. Reassessing the Link between Public Perception and Migration Policy // European Journal of Migration and Law. 2007. N 4. P. 389–418.

Boswell Ch. European Migration Policies in Flux. Changing Patterns of Inclusion and Exclusion. London: The Royal Institute of International Affairs, 2003. 169 p.

Capenko I. Interkul'turnaja paradigma integracii migrantov // Vestnik rossijskoj akademii nauk. 2017. N 10. P. 915–926.

Chislennost' i migracija naselenija Rossijskoj Federacii, 2005–2016 gg. // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: Oficial'nyj sajt [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/

connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Data obrashhenija: 12.01.2018.)

Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: Patterns of settlement // Journal of Ethnic and Migration Studies, 2017. 24 February. URL: http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053 (Data obrashhenija: 05.12.2017.)

Denisenko M., Chernina E. Trudovaja migracija i zarabotki migrantov v Rossii // Voprosy jekonomiki. 2017. N 3. P. 40–57.

Esser H. Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? // International Migration Review. 2004. V. 38 (3). P. 1126–1159.

Faljahov R. Matkapital ne spaset: Pochemu Rossii nuzhny migranty // Gazeta.ru. 2018. Jan. 9. URL: https://www.gazeta.ru/business/2018/01/05/11594870.shtml (Data obrashhenija: 09.01.2018.)

Favell A. Integration nations: The nation-state and research on immigrants in Western Europe, the multicultural challenge // Comparative Social Research. 2003. Vol. 22. P. 13–42.

Filippova E. Diskurs ob integracii – konservativnyj anahronizm jepohi transnacionalizma // Transnacional'nye migracii i sovremennye gosudarstva v uslovijah jekonomicheskoj turbulentnosti. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2016. C. 305–321.

Florinskaja Ju., Mkrtchan N. Migracija v Rossii: Starye trendy, novye problemy// Monitoring jekonomicheskoj situacii v Rossii. Tendencii i vyzovy social'no-jekonomicheskogo razvitija. 2016. N 19 (37). URL: http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-37-786.pdf (Data obrashhenija: 12.01.2018.)

Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Age and Education in the Russian Labour Market Equation // IZA DP. 2017. N 11126. 35 p.

Glossary on Migration // International Migration Law. 2011. N 25.

Hamberger A. Immigrant Integration: Acculturation and Social Integration // Journal of Identity and Migration Studies. 2009. Vol. 3. N 2:2–21.

Indicators of Immigrant Integration 2015 // OECD: Official Website [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.oecd.org/social/indicators-of-immigrant-integration-2015-settling-in-9789264234024-en.htm (Data obrashhenija: 09.01.2018.)

Ioncev V., Ivahnjuk I. Modeli integracii migrantov v sovremennoj Rossii. Nauchno-issledovatel'skij otchet 2013/12. Florence: European University Institute; Robert Schuman Centre for Advanced Studies, 2013. 18 p.

Kollier P. Ishod. Kak migracija izmenjaet nash mir. Moscow: In-t jekonomicheskoj politiki im. E.T. Gajdara, 2016. 384 p.

Koncepcija gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda // Konsul'tant Pljus: Oficial'nyj sajt [Jelektronnyj resurs]. 2012. July 13. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046 (Data obrashhenija: 23.12.2017.)

Ledenjova V. Modeli social'noj adaptacii i integracii trudovyh migrantov. M.: Sputnik +, 2014. 144 p.

Malahov V. Integracija migrantov: Koncepcii i praktiki. Moscow: Mysl', 2015. 267 p.

Medvedev D.A. Vstupitel'noe slovo na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva vnutrennih del 6 fevralja 2009 g. // Prezident Rossii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/3075 (Data obrashhenija: 12.01.2018.)

Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation // Eurostat. European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5727749/KS-31-10-539-EN.PDF (Data obrashhenija: 05.12.2017.)

Milov V. Liberal-nacionalizm protiv fashizma // Gazeta.ru. 2010. Dec 20. URL: https://www.gazeta.ru/column/milov/3470929.shtml (Data obrashhenija: 10.12.2017.)

Mukomel' V. Migranty na rossijskom rynke truda: Zanjatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda // Statistika i jekonomika. 2017. N 6. P. 69–79.

Mukomel' V. Politika integracii migrantov v Rossii: Vyzovy, potencial, riski. Rabochaja tetrad'. Moscow: Speckniga, 2013. 34 p.

Obshhestvennoe mnenie – 2016 // Ezhegodnik. Moscow: Levada-Centr, 2017. 272 p.

Opinion of the European Economic and Social Committee on the 'Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels: European Commission, 2015. URL: http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-240-EN-F1-1.PDF (Data obrashhenija: 05.12.2017.)

Petrova N. Migrant s natury. Kto teper' edet rabotat' v Rossiju // Kommersant.ru. 2017. Aug. 12. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3380376 (Data obrashhenija: 10.04.2018.)

Semenenko I. Integracija inokul'turnyh soobshhestv v razvityh stranah // Polit.ru. 2009. July 14. URL: http://polit.ru/article/2009/07/14/semenenko/ (Data obrashhenija: 5.12.2017.)

Varshaver E., Rocheva A. Integracija migrantov: Chto jeto i kakuju rol' v ee osushhestvlenii mozhet igrat' gosudarstvo // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2014. Vol. 14 (3). P. 315–330.

Vishnevskij A.G., Denisenko M.B., Mkrtchan N.V., Mukomel' V.I., Tjurjukanova E.V. Migracionnaja strategija dlja Rossii i politika tolerantnosti // Tolerantnost' kak faktor protivodejstvija ksenofobii: Upravlenija riskami ksenofobii v obshhestve riska. Moscow: Izdatel'stvo Federal'nogo instituta razvitija obrazovanija, 2011. P. 255–298.

Zhelenin A. Migranty vnov' vostrebovany v Rossii // IA «Rosbalt». 2017. 26 sept. URL: http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/09/26/1648884.html (Data obrashhenija: 12.12.2017.)